

Элина Васильева

Даугавпилс, Латвия

«ЕВРЕЙСКИЙ ТЕКСТ» В ДРАМАТУРГИИ РУДОЛЬФА БЛАУМАНИСА

Художественный текст ни в коей мере не является прямым отображением реальности, фотографическим подобием действительности, даже в том случае, если речь идет о реалистическом тексте. Прозведение литературы являет собой модель авторского сознания, которое, в свою очередь, является частью художественного типа сознания целой эпохи. Эта модель фиксирует как явления философского плана, так и явления исторического и социально-политического плана. Факт литературного текста опосредованно демонстрирует типичное и актуальное в общественном сознании.

Латышский литературный процесс и в XIX, и в XX в. становился лакмусом происходящего в государстве. И в этом плане еврейский вопрос не является исключением. Неслучаен и тот факт, что Лео Дрибинс в своей книге «Евреи в Латвии» к историческим фактам прилагает литературную иллюстрацию¹. Для литературоведов проблема еврейского текста в латышской литературе не является окончательно изученной, хотя в разное время выходили труды, в той или иной степени касающиеся данной проблематики.

Еврейская тема в любой национальной литературе демонстрирует не столько специфику еврейства, сколько отношение к еврейству в той или иной национальной среде. «Мы не можем признавать тематику однозначным критерием национальной литературы, но лишь сигналом, обращающим внимание исследователя и читателя», — пишет А. Кобринский². Один из значительных исследователей проблемы «русско-еврейская литература» Ш. Маркиш в качестве одной из основополагающих характеристик принадлежности автора к какой-либо национальной традиции выдвигает критерий взгляда изнутри³. Данная позиция однозначно отсутствует в латышской литературе. Еврейский текст в ней — это один из вариантов восприятия евреев латышами, причем, как это происходит в случае Рудольфа Блауманиса⁴, вариант субъективный, основанный даже не столько на жизненном опыте автора, сколько на эмоциональных впечатлениях.

В конце XIX в. Р. Блауманис оказывается одним из тех, кто подчеркнuto вводит еврейский текст в модель своего художественного мира, в равной степени привлекая к этому и прозу, и драматургию. При этом драматургические примеры становятся едва ли не хрестоматийными. В четырех из 14 драматических текстов персонаж еврей появляется в системе персонажей: шутка «Воры» (1891), народная пьеса «Злой дух» (1892), шутка «Грехи Трины» (1897) и сцены из быта «Дни портных в Силмачах» (1902). В жанровом отношении все перечисленные тексты тяготеют к жанру комедии — жанру, который у Р. Блауманиса характеризуется особой устоявшейся системой персонажей. В некотором смысле комедийная система персонажей у Р. Блауманиса восходит к традиции итальянской народной

комедии — *commedia dell' arte*⁵: система персонажей относительно постоянная, сохраняются основные характеристики, функции в отношении фабульной линии, специфики комической нагрузки, иногда даже сохраняются имена от текста к тексту. В этой модельной системе персонажей и встречается фактически обязательный персонаж — еврей-торговец Абрам, который накануне развития комедийных событий появляется в усадьбе, хозяйском доме. Отдельного разговора заслуживает самая популярная и знаковая для латышского театра комедия «Дни портных в Силмачах». Здесь список действующих лиц пополняют три персонажа-еврея, которые к тому же приобретают большую самостоятельность. Это все тот же Абрам, который наделен фамилией — Абрам Вульфсон, его сын Йоське, который уже появлялся в качестве эпизодического персонажа в «Грехах Трины», и портниха Сарра Гольдбаум, возлюбленная Йоське. Впервые по сравнению с предыдущими пьесами в списке действующих лиц исчезает ранее встречавшееся пояснение — еврей, хотя в самом тексте все традиционные моменты соблюдены. К моменту написания «Дней портных в Силмачах» Абрам — уже персонаж всем безусловно знакомый, в уточнениях не нуждающийся. Более того, можно говорить о перетекании сюжета от пьесы к пьесе: Абрам в «Днях портных в Силмачах» вспоминает события «Грехов Трины».

Социальный статус исторически мотивирован: он торговец, посещающий со своим товаром крестьян. В этом статусе он понятен и знаком безусловному большинству. По ходу действия пьес он активно проявляет себя именно в связи со своим родом занятий, хотя в конфликт оказывается вовлеченным благодаря поступкам и действиям других персонажей: охраняет лже-вора Озолу Петера и сам попадает под подозрение («Воры»), становится свидетелем неожиданного счастья и неожиданного краха Анны («Злой дух»). Думает, что отравился вместе с Брендисом («Грехи Трины»). В «Днях портных в Силмачах» задействованность в конфликте еще более усложняется. Абрам связан с фактом взрыва печки — комический уровень. Йоське и Сарра ведут борьбу за свою любовь против Абрама, который мечтает о более удачной партии для своего сына. Евреи оказываются вовлеченными в конфликт поколений, бесспорно важный для временной модели Блауманиса, и в отношения «богатство—бедность». Финал «Дней портных в Силмачах» — три пары: Элина и Алекс, Антония и Дудар, Йоське и Сарра. Абрам подводит итог, подсчитывая счастливые пары, а Пичук говорит, что дни портных были очень счастливыми.

Переезжающий со своей торговой поклажей от усадьбы к усадьбе Абрам оказывается вездесущим. На его авторитетную информацию о Рембанихе ссылается Магь («Грехи Трины»), он привозит в Цирули судьбоносную газету с якобы счастливым номером («Злой дух»), у него есть товары, необходимые для свадьбы («Дни портных...»). Более того, Абрам наделен очень показательной отличительной чертой — он свободно перемещается в пространстве и хорошо в нем ориентируется. Латышская литература XIX в. в качестве традиционной избирает замкнутую модель пространства: это деревенский мир, пространство, ограниченное усадьбой, домом, церковью, трактиром, волостным судом и немногими другими знаками деревенского пространства. Персонажи не отличаются мобильностью, их выход за пределы знакомого пространства, выход на дорогу чреват негативными последствиями. Абрам тоже принадлежит этому деревенскому пространству, но в отличие от других он свободно по нему перемещается, знаком с топосом дороги и уютно чувствует себя в разных точках деревенского мира. Если

другие персонажи, совершая незначительные перемещения в пределах деревенского пространства, попадают в неприятные ситуации (Рембаниха, отправляясь на поиски жениха, перепутает Лиелберзы и Мазберзы и вместо жениха чуть не купит быка, Озолу Петер, вернувшись из России, не узнав в Каркленах и принят за вора), то Абрама, в большинстве случаев ждут, ему рады. Ешка («Воры») встречает Абрама как постоянного гостя; уверенно, почти как сват, появляется Абрам в Мазберзах: с ним своим горем делится Бренцис, им по-свойски распоряжается Маде, с ним, как со старым знакомым, заговаривает Юрис («Грехи Трины»). И здесь имеет смысл говорить о специфической особенности еврейских образов Блауманиса в контексте еврейской темы в мировой литературе. Традиционно образы других национальных традиций, независимо от эмоциональной окраски и нравственной оценки, были связаны с оппозицией «свой—чужой», где представитель другой национальной культуры всегда был «чужим», «иноверцем». В отношении еврейского текста у Блауманиса механизм этой оппозиции несколько трансформируется. Еврей не является традиционным чужим, более того, еврей — не чужой. Он свой, свой в быту, свой в домашней обстановке. Он не есть нечто непонятное, хотя оригинален и со своей «изюминкой». Но он не противопоставляется остальному миру, он его закономерная часть.

Абрам — безусловно комический персонаж в общей системе персонажей со всем набором необходимых качеств. Он вовлечен во все комические перипетии и путаницы, он двигатель комической интриги: он привозит газету со счастливым номером, с чего начинается непомерное чванство Анны; он отпускает Озолу Петера, из-за чего его принимают за соучастника воровства, хотя сам Петер никакого воровства не совершал; он вместе с Бренцисом чуть не отравится и станет объектом медицинских экспериментов Атиса. Другие не менее комические и даже сатирические персонажи пытаются выставить Абрама виноватым в случившемся (Вилкс считает, что Абрам должен заплатить за разбитое им, Вилксом, окно, потому что присел и камень попал не в Абрама, а в окно, хотя брошен камень был именно в окно). Но в этом случае сама суть конфликта не является глобальной, конфликт обычен и разрешается без особых затруднений, во всяком случае, быстрее, чем конфликт любовный. Комичность Абрама не связана с высмеиванием или подчеркиванием специфических национальных качеств. Абрам любит деньги, но не более, чем другие персонажи: в «Злом духе» одержимы деньгами Мантраусис и Анна, Абрам же соглашается с Матерью в том, что деньги скрывают в себе злой дух. В «Грехах Трины» он говорит: «За деньги я сделаю все, что мне не запрещает закон». Но в каждой пьесе находится кто-то, кто готов за подарок из поклажи Абрама на сделку. В Абраме нет жадности как подчеркнутой доминанты характера. Он явно отличается от шекспировского Шейлока. Он вне сатиры. Абрам трусит, но вместе с ним дрожат от страха и другие персонажи. (Отравленный вместе с Абрамом Бренцис уже не хочет умирать и дрожит за свою жизнь.)

Знаки еврейской истории, еврейского быта встречаются в текстах пьесы. Действие «Злого духа» приходится на *Шабат, и Абрам говорит о том, что в этот день он не может ни газету в руки взять, ни поклажу распаковать. Рассказывая свой сон, Абрам сравнивает себя с Иосифом, толкующим сны. В «Днях портных в Силмачах» речь идет о возможном отъезде в Америку. Правда, отъезд — это вариант наказания за непослушание отцу, идея отъезда не принимается молодым поколением — Йоське и Саррой.

Отличительной чертой евреев Блауманиса становится их особая манера речи: искаженный латышский, в котором *ш* заменяется на *с*, у существительных исчезают падежные окончания, а у глагольных форм появляется окончание *e*: «*Es pēc ta lērum prase: kur viņš ir*» вместо «*Es pēc ta lēruma prasu: kur viņš ir*». В литературе XIX в. именно речевые характеристики становятся маркером персонажей. В этом смысле евреи Блауманиса типичны. Более того, у Блауманиса появляются персонажи-неевреи, чьей комической доминантой становится коверканная речь: гнусавая речь Пиетериса из «Злого духа», над которой подтрунивает даже Абрам.

В «Днях портных в Силмачах» Абрам и Йоське не всегда разговаривают между собой по-латышски. Но это и не *идиш, а искаженный немецкий. Автор явно не стремится быть скрупулезно точным, передавая национальную специфику, он не знает идиш и воспринимает его как подобный немецкому. Зрителю немецкий текст понятен (на ломаном немецком идет весь эпизод, когда Абрам грозит отправить Йоське в Америку, если тот не откажется от идеи жениться на Сарре). При этом сохраняется подобие национального колорита.

Место еврейского текста Р. Блауманиса в латышской литературе неоднозначно. С одной стороны, его восприятие еврейских образов нетрадиционно (исключение оппозиции «свой—чужой»), с другой — именно Блауманис кладет основу еврейской теме в латышской литературе, которая была продолжена в XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dribins L.* Ebreji Latvijā. R., 2002. 47. lpp.

² *Кобринский А.* К вопросу о критериях понятия «русско-еврейская литература» // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1994. № 1(15). С. 106.

³ *Маркиш Ш.* О русскоязычии и русскоязычных // Лит. газ. 1990. № 50. С. 4.

⁴ Блауманис Рудольф (1863—1908) — выдающийся латышский прозаик и драматург, который в своих произведениях, в частности в пьесе «Дни портных в Силмачах» (1902), с большой симпатией вывел образы еврейских ремесленников. — *Ред.*

⁵ *Дживилегов О.* Итальянская народная комедия. М., 1962.